

Морозко. 1+1

Демид Роге

2024-04-10

Contents

ДК находится практически в центре. Можно сказать, что культура является сердцем города. Благодаря музыке, танцам, художествам и прочим проявлениям искусства, стучит своим ритмом наше поселение.

Чтобы туда добраться, нужно запрыгнуть на 338-ой маршрут и пройти пешком по улице Ленина, свернув на бульвар. А дальше прямо и вот он, красавец. Сидит обаятельнейшая старушка Людмила на вахте или охране (до сих пор не знаю кто она). Это первый контрольный пункт, через неё пройти легко, хотя посторонних пускать нельзя, по просьбе хореографа Жака Кирилловича, мол, отвлекают от занятий. Дальше надо дойти до актового зала, где проходят занятия танцами в стиле модерн. Пробраться за кулисы и облокотиться около выхода, для лучшего вида.

Это я и сделал, минут десять назад. Занятия подходят к концу. Будь я холост, интересовался бы всеми красавицами, но нельзя. Ира в чёрном боди видит меня перед контрольным движением и машет. Машу в ответ.

- Стоп! - Жак выключает музыку и устремляется ко мне с криком, - я же просил его не впускать на репетиции! Людмила, Людмила! Чёрт её дери, девочки, позовите Людмилу, она снова пропустила этого интервента.

- И вам привет, Жак Кириллыч, - говорю я и отлипаю от стенки.

- Ты снова сорвал репетицию. Доволен?!

Мигом, Ира меня целует и залетает переодеваться. Мы здороваемся позже, после криков Жака.

Естественно, я ничего никогда не срывал. Просто этот остаток француза, думает, что я мешаю тем, что встречаю Иру прямо со сцены. Раньше, я сидел в зале, но он запретил. Тогда я начал уходить за кулисы. Он запретил меня пускать в целом в ДК. Но Людмила понимает ситуацию любви между молодым писателем и танцовщицей. А Жак нет. Ну, что же, это его проблемы. Не мне переучивать старика. И не ему мне что-то запрещать. Так вот.

Прибегает Людмила с Ирой. Странно, я видел, как она зашла переодеваться и уверен, что не выходила. А тут она всё ещё в чёрном боди. Ладно, бывает. Не заметил.

- Сколько раз вас, дорогая Люда, просить, чтобы вы не пускали этого! - Жак тычет в меня короткими пальцами.

- Жак Кириллович, дорогой, не заметила, извини. Отошла чайник поставить, а тут вот он и проскользнул, бандит.

Естественно, Людмила меня видела. Всегда с ней здороваюсь.

- Пальцем тыкать некрасиво, Жак Кириллыч. Вы хореограф, а манер не соблюдаете и подаёте плохой пример девочкам, - я провожу рукой по дамам, - некультурно, молодёжь дури учите. Ужас, что творится, Жак Кириллыч...

- Молчи, idiot! Сам пишешь похабщину и учишь меня манерам?! Да я тебе в grands-pères гожусь, возраст бы уважал! Тоже мне, поколение, тьфу, - Жак удаляется, ругаясь по-французски. Когда он злится, то переходит на родной язык. С ним я выучил половину французского, - И этого, - опять ткнул пальцем, - в песочном костюме, чтобы я больше не видел! Я не намерен каждый раз возвращаться к неприятным разговорам! Всё, иду жаловаться!

Он жалуется уже раз пятнадцатый, курам на смех. И, кстати, если вы заметите молодого юношу блондина в песочном костюме на улицах нашего города, то это я. Найс ту мит ю. Или по-французски: «Рави де ву роконтре». Похабщину не пишу. Старика просто задело описание Ириной груди. Вроде сам модернист...

- Привет, заяц, - я тянусь к Ире за поцелуем.

- Пока, охотник, - заявляет она и толкает меня, заходя переодеться (опять).

Что это с ней? Она вместе со мной всегда смеётся над Жаком. Но вот из двери выходит Ира. Вторая. Это как так? Их две?

- Писатель, привет! - Ира переодетая кидается в объятия и лобызание в щёки.

Я не могу убрать взгляда с Иры в чёрном боди. Я понял, они - близняшки. Но суть в том, что мы встречаемся уже два года, а она ни разу не упомянула свою сестру.

- Что такое, Писатель?

- Да я как-то... удивлён, мягко сказать.

- А, ой... - говорит Ира

- Чего вылупился, песочный? Близнецов или сисек не видел? - Боди-Ира хлопает дверью.

- Заяц, это... кто?

- Ну, моя сестра Кира. Давай пойдём завтракать, как обычно и я всё расскажу. Мы всё расскажем, окей?

- О-окей. Бьян... - я тоже начал переходит на французский.

Что же, предстоит интересная беседа во время завтрака. Или, как сказал бы Жак: «Педан ле пети дежанель.»

Ира и Кира. Мда, кто-то явно не любит заморачиваться. Да и я, в общем-то, такой же. Всё наше утро встречается в кафе, через дорогу от ДК. Открытая веранда, весеннее утро, все нормальные люди на работе, а рабы искусства пировничают. Кстати, никогда не понимал, почему чревоугодие – грех. Ну любит человек вкусно покушать, что тут такого? Хорошего должно быть много. У меня, как выясняется, хорошее в двойном экземпляре.

Ира будто создана не из плоти, а сочной мякоти. Её почти метр семьдесят изгибаются в любой форме, игнорируя законы Ньютонов, Эйнштейнов и Ломоносовых. Вытянутое овальное личико с карими глазами-апельсинами, бьющими по серости цитрусом, всегда меня озаряет улыбкой и радостными возгласами, будто я победоносец Македонский. Длинные ноги (куда без них?), небольшая грудь (прости, Жак, в этот раз описывать подробно не буду) и сочные лапки-зайца. Сегодня она в белом сарафане кушает какой-то салат. А Кира... есть ли смысл её описывать? Они же одинаковые... Даже заказали одно и то же! Движения рук, взгляд, паравербалика, одежда, уверен, что и привычки – как депутаты Госдумы. Неизменно и одинаково.

– Ну, и давно вы... сёстры? – Спрашиваю я, доедая кашу

– Как родились, получается, что двадцать два года, – говорит Ира

– Чего ты пристал? – Вмешивается Кира неожиданно. – Дай поесть спокойно.

Присвистываю.

– Да кто-то у нас с характером, – говорю

– Писатель, Кира права. Когда я ем, я глух и... – Ира кладёт ложечку в рот. Заяц, пожуй подольше, пожалуйста, и не мешай.

– Обожди, Ира. Кира, тебе неприятна компания такого юноши, как я?

Ира замолкает. Буду краток. Она смотрит мне в рот и полностью зависит от меня и моего эго. А оно большое. У Иры большая зависимость.

– Чё ты прикопался? – Кира стучит вилкой об тарелку. Дзыньк.

– Я просто пытаюсь узнать тебя ближе и всё тут.

– Я не справочная. В другом месте узнавай

Она настроена на конфликт и спор. Да! Обожаю это. Дело в том, что я личность с высокой манией величия и пузатым эго, как говорил ранее. Всё для меня проявляется в борьбе, столкновении, крахе. Поэтому-то я и вражду с Жаком. Осталось подкинуть искру в порох Киры.

- Тогда покажешь, где это «другое место»?

- Да пошёл ты, песочный. - Кира швыряет вилку на стол, забирает сумку и уходит.

- А заплакать?! - Кричу я ей в след. Заяц оглядывается, пряча уши.

- Я заплачу за неё, всё хорошо. Потом отдаст. - Ира лезет в баланс карты.

- Не парься, у меня деньги есть.

- Откуда, Писатель?!

Приплыли. Бедняга настолько привыкла к моей недостаточности, что удивляется, мол, у меня есть деньги. Книгу бы продать...

- Статью запостили в телеге. Пойдём, расскажу.

Писатель с ручным Зайцем прыгают вдоль набережной. Оттаявшее течение реки увлажняет воздух, кожу, цитрусовый взгляд. Голубое небо, как на флаге России, ничем не запятнано. Хорошо здесь.

Я делюсь с Ирой статьёй (она её уже видела и назвала меня гением [как всегда], но смотрит ещё раз). К сожалению, кроме пары рассказов и статей на тему карт таро ничего больше не опубликовали. Первый роман валяется в столе, второй глухо дребезжит и пишется. Никак не могу придать ему форму, слепить его, поставить в позу. Это нелегко, если ты не Ира с мягким, тело как любимая игрушка Цоя (пластелин). Про Киру я немного всё же выведал. Характер склочный, незаурядистый, даже истеричный. Признаюсь, я подумал, что у неё «женские дни». Интересно, а у близнецов они одинаковы или...? Глупость какая, боже мой. Мои серные вещества не должны отвлекаться на такие глупости. Либо они работают, как проклятые псы, либо получают дофамины. Ира - один из его источников. Она идеальна для меня. Мотиватор мой заячий. Заяц любит ходить

передо мной на задних лапках. Иногда меня это бесит. Вопреки такому и люблю.

Мы лежим вечером в обнимку и залипаем в «Бедных-несчастных». Красотка Стоун недавно получила статуэтку. Заслуженно. И я когда-нибудь получу статуэтку. Только бы пройти хотя бы отбор...

- Заяц, а Кира смотрела уже этот фильм?

- Да, ей понравился. А что такое? - Она приподнимает голову

- Нет, ничего. Ты просто без интереса наблюдаешь, и я подумал, что тебе не нравится.

- Нравится. Ещё как.

- Ну и отлично. - Я целую её в лоб.

Про Киру мне предстоит узнать много нового, но сейчас пора спать. Вернусь со следующей встречи с сёстрами. Бай-бай. Аревуар.

Давно сюда ничего не записывал. Я многое понял. Начну издалека. В любовных историях почти всегда силуэта два. Здесь же, их три. Но важно другое: два силуэта одинаковы.

И оба я одинаково люблю. Осознание пришло после того, как мы переспали с Кирой. Бум! Я и сам такого не ожидал. Расскажу, как это было, заодно поделюсь причиной почему Ира меня не знакомила со своей копией.

Ира вообще стеснялась Киры из-за её поведения и норм морали. Сестра Иры - грубый локомотив, с сидящими внутри революционерами, национал-большевиками, монархистами и остальной «красно-коричневой» швалью. Сам я либерал (не комнатный оппозиционер), но неважно. Я не удивлюсь, если она поднимет знамя с надписью «Смерть буржуям» одной из первых. Кире что-то не нравится? Она скажет об этом сразу же, не теряя красок и сочной мякоти, брызжущей на стены. Через чур

прямолинейна и груба, со сложным характером и постоянными тараканами, Кира на самом деле сломленный ребёнок, явившей миру злость, в ответ на отсутствие внимания.

А внимание всё получала Ира. С преклонным характером, своими милыми «ой», желанием идти на контакт даже с самой уродливой зверушкой, вечно зелёной наивностью и ребячеством, желанием спасти всех, быть за мир во всём мире и такая же красивая, как и Кира, мой Заяц была любимцем в зоопарке среди тупоголовых самцов-горилл. И выбрала она меня. Выкусите, приматы. Начинаящий великий Писатель обставил вас даже тут. В гонке побеждает черепаха.

Соответственно, Кира недолюбливает Иру и завидует сестре, выказывая своё «Я». Этим она мне и понравилась. Она даёт мне стимул, борьбу, спор, сражение. Но и не могу сказать, что Ира мне разонравилась, нет. Её я тоже люблю. Иру люблю вопреки, а Киру потому что. Feel the difference.

Как я переспал с Кирой? Окей, Жак, уговорил. Без подробностей. Да и сам не хочу, чего это я перед любителем лягушек выплясывать буду?! Подобные слияния душ хранятся в общем сундуке воспоминаний, который недоступен остальным.

Это была наша третья встреча толпой. Только до и после неё, мы виделись втроём. Здесь же припёрся пример типичного гонщика за моей Зайкой. Ну-ну. Пристегнуться не забудь, Шумахер. Так вот, Михаэль думал, что если хочешь подобраться к короне, то познакомься с королём. Это мясо для гоночного болида узнало Иру, но получило резонный отказ. Переключился на Киру в надежде получить Иру. Бедняга Кира-кролик надеялась, что получила мужское внимание, но по ходу встречи поняв, что всё опять течёт к Ире, разозлилась ещё больше. И тут случилось главное – она искала во мне защиту. Объединиться против общего врага. Я глазами подписал соглашение о вступлении в блок против обезьян.

Что про него можно сказать? Пижон, да только стоит он всего рублей пятьсот (больше я бы не дал). Одевается, как рокер, но слушает старьё и «Нирвану» и сам по себе он говнарь. А ещё он всегда с грязной башкой. Как Кира повелась на

такого? Безысходность, видимо. Я сразу пошёл в отрицалово с говнарём. Неприемлю подобный мусор, фу. И потом, люди смотрят на таких, как он и думают, что все рокеры такие. Позор собственного народа.

Со зла, Кира напилась. Забавно, что она спугнула недорокера своим поведением. А меня, наоборот, возбудила. Что же, сложные девушки – это круто. Повод стараться. Михаэль свалил, Ира устала (она заболела), а Кира продолжала пьяный дебош. Я посадил Заю в такси (оплата по карте, а не наличными, я не настолько урод) и по её же просьбе провожал Киру до дома, потому что она отказалась спать в одной квартире с сестрой.

Ну, а дальше я тоже перебрал и началось. Сначала, разговор по душам на балконе с пачкой «Charman» и Ланой Дель Рей. Потом слёзы Киры и разговор о сестре. Мол, она такая и сякая, специально уводит мужиков и достижения Киры к себе. Справедливости ради скажу, что защищал своего Зайца. Я в ответе за тех, кого приручил.

– Ты меня не понимаешь, ты очередной дурак, Писатель. – Говорила она.

– Да? А может это дело в тебе? Может не стоит злиться на мир, а преобразовывать гнев в мотивацию, чтобы утереть сестре нос?

– Естественно, я подыгрывал Кире. Мне не очень хочется, чтобы Ира лишилась статуса главной дансерг в коллективе.

– Возможно...

Мы перебрались на диван. Я быстро отрезвел в этот раз (кушал накануне много), как и Кира, хотя строила из себя пьяную.

– И что она в тебе нашла? – Смотрит на меня Кира и вертит сигаретой.

– Всё хорошее. – Незамедлительно отвечаю я.

– Значит я найду плохое и заберу себе. – Ну и забрала...

Дальше всё понятно. Все люди взрослые и умные.

Я всё ещё помню сладковатый вкус шоколадного табака на её губах. По дороге домой, я размышлял о том, что они одинаковы и в постели. Стыдно ли мне перед Ирой? Есть такой момент. Расскажем ли мы о нас с Кирой? Нет. Люблю ли я Иру? Да, до сих пор. Поверит ли она мне, что у нас ничего не было с Кирой? Само собой.

Я вернулся домой часам к четырём утра. Проснулся Заяц. Я мигом разделся и лёг. Ира сразу прижалась ко мне. Горячая. Точно заболела.

- Заяц, ты горячая. Нурофен выпила?

- Угусь

- Значит скоро подействует

- А чего так долго?

- Кира никак уговориться не могла. Ты же знаешь её.

- Ну да, как я сразу не поняла?

Да, уговорить Киру я смог раза с третьего...

- Писатель, а даже если я болею, то ты поцелуешь меня?

- Почему нет? - Я целую её в губы. Был привкус не шоколада, а карамели от Нурофена.

- Тогда иди сюда...

Теперь я могу сказать уверенно - они одинаковы даже в постели. Но разные по характерам и тараканам в головешках.

И да, спал я прекрасно.

Комната наполнена смехом и ударами ладони по столу, будто Рокки Бальбоа оттачивает фирменную оплеуху. Ну, а Рокки Бальбоа мой лучший друг - Эдвард.

Последние несколько недель я чувствовал себя прекрасно. Хотелось сжать кулаки и трястись от энергии, писать ещё больше, видеть, трогать, чувствовать Киру и Иру, прыгать, улыбаться. Я чувствовал, как из точильного камня, который в душе, вылетают искры и поджигают керосин, бьющийся из тела энергией жизни. Короче, плюс вайб. Да, я был на блессе.

Но хорошее проходит, как и плохое. Я начал чувствовать себя морально устаревшим. Будто меня подсадили на работе. Стал больше времени проводить в одиночестве, наедине со своим гением. Маяковский в пивной брал себе два огромных стакана пива и говорил: «Одна для меня, вторая для моего гения.» Я равняюсь на великих и делал также. Брал две бутылки «Хайникена» и шёл гулять один. Иногда выгонял Иру из дома. Правда, приходила Кира пару раз, но это не важно...

Меня надо было вытаскивать из этого состояния. Керосин кончился. В личной жизни бардак, книга писаться перестала, а я – устарел.

Поэтому я и припёрся к лучшему другу – Эдварду. Эд – фотограф и знаю я его с младшей школы. Он худший кошмар моих проблем. Та самая кассирша Галя из Пятёрочки, которая пробивает отмену. Эд тоже делился собственными траблами, но не так охотно, как я. Я всё ему рассказал, и он рассмеялся.

– Писатель, ну ты даёшь! С сестрой Иры, да ещё и которая, оказывается, близнец!

– Ну... Вот так вот, – развёл руками я.

Эд успокоился, утёр слёзы, закурил электронку. Я немного поник. Опустил голову, как побеждённый самим собою. Ненавижу проигрывать.

– Сам-то что думаешь, Писатель?

– Эд, я не знаю. Поэтому и пришёл к тебе

– Ну, давай разбираться. Кого из них ты больше любишь?

Эд мой коуч в отношениях. Только не надо думать, что он популярен у девушек, так пару романов после съёмок, не больше. В мужском сообществе, есть такая концепция, как *coaches don't play*. Это значит, что тот, кто лучше всех

разбирается в отношениях, в них никогда не был. Эдвард профессиональный фотограф и коуч.

- Обоих.

- Да ну, мне-то не гони, Писатель, - размахивая электронкой говорит он. - Такого не бывает.

- Бывает, видимо

- Давай залезем в причины. Попробуй объяснить, почему ты любишь их двоих. Не каждую в отдельности, это и я тебе сказать могу, а именно двух.

- Эээ, - я чешу голову, - они, понимаешь, нейтрализуют друг друга. Типо, Ира передо мной выплясывает и говорит: «На, бери». А Кира, наоборот, воротит нос постоянно. Упрекает меня во всём, даже мои рассказы захейтила. И так просто не даётся. Понимаешь к чему я?

- Пока что да. Продолжай. - Эд стоит у плиты и заваривает чай.

- И вот отдельно, как бы мне не хотелось этого говорить, они мне не особо-то и нужны.

- Стой. - Перебивает меня он. - То есть ты был с Ирой, потому что тебе выгодно, братан?

- Кажется, да. Ну так вот, отдельно они как бы не так хороши, как вдвоём. Вот даже чай возьми, Эд. У тебя кипятилок и заварка. Да, они имеют свойства и свои фишки, которые тебе нравятся. Но когда ты их смешиваешь...

- Понятно, - Эд выдыхает и ставит передо мной кружку с чаем и надписью «Артек-2014». - Как будто ты под акцию попал, смекаешь? $1+1=3$. Вот и вас трое...

- Спасибо, - я делаю глоток. Эд мыслит.

- Даже не знаю, что тебе сказать. Ты же понимаешь, что вечно так быть не может? Поэтому, надо выбирать, бро.

- Да. Надо бы.

Мы переключились. Эд показал новые фотки со мной. Я стою на белом фоне в меховой курточке и очках типа пелевинских. Grimаса - левая часть губы поднята в оскале, типо я улыбаюсь. Фото ЧБ. Я всегда улыбаюсь. Демонстрирую оскал хищника под видом хорошего настроения. Эд сравнил меня с Пелевиным с Алиэкспресса. Что же, приятно. Говорю ведь, равняюсь на великих.

- Слушай, а ты не думал с двумя сразу?

- Эд, ты умом тронулся? «Эдичку» перечитал опять? - Молчу. - Не думал даже...

Эд улыбается исподлобья и держит руки на груди

- Ладно, ладно. Думал... - Признаюсь я. Он всё понимает, прощелыга.

Эд заварил чай по второму кругу. Из-за моей спины работал Ютуб с репом 00-10х годов. Играет «Black And Yellow».

- Чё, как там твой «Otokomae»? - Это он про мою книгу. Пытается меня отвлечь от проблем. Спасибо, Эдвард. Ты толкаешь меня к выбору и решению. Надо.

- Да потихоньку.

- Чё то ты давно мне глав не кидал готовых. Я вот жду, а ты вафлишься. - Он переключает Лил Пампа на попсу. «Cant fight this feeling». И как на зло в припеве:

I can't say no, I want you,
So I've got to see this through
'Cos I just can't fight this feeling
We should be lovers. We should be lovers

Я допиваю кружку и иду домой. Там ждёт Ира. Всё, решено. Иду домой. Не сворачиваю.

Возвращаясь, к теме попсы, кстати, скажу напоследок. Я не хочу, чтобы моя литература была частью массовой культуры, напротив, мне хочется высмеивать ее. Но правда в другом: ты не можешь делать сатиру на широкий круг читателей, если не заинтересуешь их через эту самую массовость. Грубо говорят, ты вынужден стать попсой. Это и не плохо, и не хорошо. Это факт. Знай своего врага, побудь в его шкуре, проникни в его корку. Не пытайся победить врага-попсу. Возглавь его.

Ой, Кира написала. Она хочет меня. И я её, я не могу сказать нет и бороться с чувствами. Нам суждено быть любовниками.

Ира подождёт... прости, Заяц. Раз уж, я уже часть попсы, то процитирую ещё разок.

I can't say no, I want you,
So I've got to see this through
'Cos I just can't fight this feeling
We should be lovers. We should be lovers

Как стало очевидно – с выбором я не спешил. В любом случае всё обречено на крах. Мне суждено испытать поражение. И когда что-то суждено, предписано плохое, то лучше оттянуться сейчас, хорошенько. Я слетел с катушек, как разъярённый конь вырвал поводья у жокея и улетел галопом в поля, выпуская пар из ноздрей.

Я делил день на два. Сначала с Ирой, а потом с Кирой. Признаться, я уже запутался в них. Квартиры для меня стали обе родными, к метаморфозе характеров я привык. Складывалось впечатление, что я общаюсь с человеком, который остался в детстве и любит покататься на качельках. Эмоциональных. То есть утром со мной Ира – ласковое доброе существо, куколка. В обед я один, а вот вечером со мной уже Кира – жёстка стальная дева. Как будто просто настроение переменялось. У Киры или Иры, я запутался. Надеюсь, объяснил понятно.

Близился Рагнарёк. Но нужна небольшая предыстория. Дело в том, что я планировал с Ирой уезжать в Москву, предварительно продав книгу. Обосноваться, перевести дух, найдя карман с воздухом в этом водоёме искусства (в частности – литературы) и дальше...

А вот дальше показать этим петухам *classe de luxe* с Патриарших, как надо писать. Занять свой трон и не вылезать с него, сидеть там, как король Лич из вселенной *World of Warcraft*. Я должен писать в Москве, нигде в другом месте, нет. Только там, потому что все реки силы текут туда. Моя задача – поставить плотину

в этом потоке и стать монополистом литературы. Именно ради этого нужно работать каждый день и ночь, выверять каждую запятую, подбирать необходимое слово, которое ударит и в лоб, и в бровь, и в глаз, не спать, забывать про телефон, друзей, родных. Чтобы стать единственным. И все пытались повторить, но не смогли.

Но Ира хочет остаться тут.

- Заяц, ты чего это? Хотела же со мной поехать, танцевать там. Что случилось? - Обнимая её говорю ей. Она лежит на моей груди. Грудь гнусного изменщика.

- Мне кажется, что мы не готовы. - Она забавно морщит лоб.

- В каком смысле не готовы? - Я приподнимаю голову и открываю дверь в её карие глаза.

- Там же совсем другой уровень. И для меня, и для тебя.

Я плюхаюсь обратно, на тёплую часть подушки. Вот так сюрприз. Ира, которая была готова гнать со мной хоть на Северный Полюс, выражает протест. Тоже мне, оппозиционерка из Твиттера (точнее, из «Х», прошу прощения). Вот, за что боролся, на то и напоролся... Хотел, чтобы Ира была похожа на Киру и наоборот. Результат - на лицо. Или на моей груди.

- Какой другой уровень, Заяц? Мы сами зададим уровень, я же уже объяснял тебе.

- Не знаю, - она встаёт и садится напротив меня, подложив под себя ноги и начинает заплетать волосы. Смотрит в потолок и продолжает, - мне страшно... а если ничего не выйдет, возвращаться сюда опять? Какой смысл? Может, для начала тут зададим уровень?

Я сажусь напротив неё и берусь за Ирины плечи.

- Бояться - удел тех, кто ниже нас. Я же учил тебя ничего не пугаться, помнишь? - Она сказала, что помнит. Я перекладываю ладони на её щеки. - Сейчас тот переломный момент, когда нужно рисковать. Я - забираюсь на вершину, а ты со мной. Если мы будем сидеть здесь, то постоянно будет болеть голова. Знаешь почему? Потому что будем биться головушкой об потолок. - Я целую её в нос и заканчиваю свою оду. Ну, время согласиться со мной во всём в очередной раз, Заяц.

- А если, - она убрала мои руки, но не отпустила их - я не хочу лезть с тобой на вершину. Ну, пока что. Давай повременим, пожалуйста...

- Мы не можем повременить. Я...

Она бросает руки, встаёт и уходит в дверной проём.

- Опять твоё «Я», Писатель. Только о себе и думаешь. - Она бежит в прихожую, подбирает сумку с одеждой, в которой танцует и начинает обуваться. Я подбегаю за ней.

- О чём ты? Я же хочу для нас двоих, как лучше. Ты не можешь меня поддержать?

- Вот, вот оно. Один раз «нет» и всё, я уже не поддерживаю тебя!

- Ира завязала один кроссовок.

- Я вообще не это имел в виду!

- А что?

Молчу. Подбираю слова, как бы она не завелась ещё больше. Ира забирает сумку, открывает дверь.

- И куда ты, Заяц?

- На репетицию, - зло отвечает она.

- Так была же уже утром!

- А я ещё пойду. Ведь надо же «задать уровень», - она хлопает дверью перед моим носом, как в ладоши.

Мда, вот это ситуация, вот такое крем-брюле. Некрасиво выходит. Пропавшее крем-брюле. За два года наших отношений такой концерт впервые. Что на неё нашло?

С Кирой вышел похожий разговор. Даже испытал небольшое déjà vu. Только вот она, за то, чтобы уехать, но не в Москву, а куда-либо. Просто, лишь бы не оставаться, цитирую, «в этом божьем гадюшнике». Её милая грубость меня всегда радует. Я согласился уехать. Разговор был короткий, а ночь долгая. С Ирой не разговаривал дня два. Жил у Киры, а ей говорил, что у Эдварда. Эд, как боевой товарищ на фронте искусства поддержал лживый, словно блогеры, трюк.

Кто-то не придаст этому дню значения. Ну, поцапался с Ирой и затусил с Кирой, что такого? Обычный день последних трёх

месяцев для тебя, Писатель. Нет. Это не так. Вы, как всегда, меня не поняли. Произошёл сдвиг. Ира, которая всегда была за меня, пошла наперекор. А Кира, которая терпела во мне «только плохое» и секс, вдруг поддержала меня, хотя до этого называла все мои решения выпендрёжем перед самим собой или даже «в духе школьника». Как она говорила со смехом, после совместной ночи: «Стать великим? Ага, пацанам в школе на переменке расскажи. Великим каждый дурак себя мнит. Ты стань новым...»

Но новый не есть великий. Она слишком цинична для своего возраста. Ладно, это всё брехня и воздуханство. Главный question остался открытым.

Что мне делать-то?

la fin de la comédie. Сейчас я еду в поезде до Москвы и заканчиваю рукопись. Ни Иры, ни Киры рядом нет.

Тяжело вспоминать эти моменты, хоть, и признаюсь, не стыдно. Видимо, совесть я променял на талант давно, ещё в детстве.

Примирение с Ирой не клеилось. Она избегала разговоров со мной, и я ничего не мог сделать. Если говорить точнее, то Ира поступала очень хитро. Она слушала мои извинения, но всегда задавала вопрос:

- Так ты остаёшься? - «Ты» уже значило, что она никуда не собирается.

Я начинал увиливать, обтекать. Её это не устраивало и весь прогресс переговоров сбрасывался. Тогда я поделился со всем с Кирой. Она меня внимательно выслушала, ни вставив ни слова (для неё это норма, она прекрасный слушатель), помолчала и спросила:

- Ты решил куда мы поедем? Мне всё равно, главное не в Москву. Там мне делать нечего.

Я снова увиливал от решения, я чувствовал себя карпом, попавшим в сеть, который пытается её разорвать.

Если Ира просто меня игнорировала, то Кира высказывала своё недовольство и упрекала меня в нерешительности.

Короче, я довёл подобными разговорами девушек до ручки. Я им обеим надоел...

Я прятался в парке со своим гением и прозрачно-зелёной, как алоэ бутылкой пива. Близилась осень, роман с девочками опадал, как листья.

Я вернулся домой (не к Кире) и застал девушек на кухне. Они молча смотрели за каждым моим действием. Как я захожу, кидаю ключи в ключницу, развязываю шнурки, скидываю сумку с книгой (тогда я читал Сорокина), вешаю пиджак и ухожу в комнату.

Я увидел собранные вещи Иры. Они всё друг другу рассказали. Не знаю, Ира ли сама всё узнала и позвала Киру или Кира сама пришла, но стояло молчание, вместо скандала. Оно и хуже для всех нас.

Я просто падаю на кровать, не раздевшись и плюю в потолок. Спустя время, Ира не выдержала (вот это меня снова удивило. Что с ней?) и зашла ко мне.

Скандал, истерика, слёзы. Пощёчина, сбор вещей и уход. Занавес. Перед тем, как уйти, Ира сказала Кире, что они больше не сёстры. Та просто кивнула.

- Кир, - говорю раздавленный я, - может, если её пару дней не трогать и поговорить, то она хотя бы не будет нас ненавидеть? Поговорим втроём. Ты, я и она.

- Ясно с тобой всё, - говорит Кира и обуевается.

- Что?

- Ты такой же, как все мои бывшие. Заботишься о сестрёнке, а не обо мне. Я прекрасно знала, что мы делаем и думала, что

любишь меня. Поэтому сделала этот шаг и продолжала эти «отношения». – На её глазах замерцали фонариком слёзы.

– Но я люблю тебя, Кир...

– Нет. Не любишь, – со вздохом говорит она и выходит

– Но почему? С чего ты это решила?

– Я не дура, Писатель. Последнюю неделю, ты что и делал, как приходил ко мне и ныл про Иру. И сейчас был твой шанс сохранить хотя бы нашу любовь. А ты подумал опять про Иру, наплевав на мои мысли, чувства. Ты предпочёл не выбирать вообще.

– Но я готов выбрать тебя, Кира. Я хочу остаться с тобой. Пойми, что люблю тебя!

– Не ври себе хотя бы. Тебе просто нужны были нагоняи от меня, чтобы «вдохновляться и мотивироваться». Тебе просто нравилось валяться в грязи, которую мы заварили. Теперь оставайся один, песочный.

Вот так это и было. Через пол месяца я выдвинулся в столицу. Мне каким-то чудом удалось продать книгу, но дешевле, чем я рассчитывал. Я подписал договор с издателем на сборник рассказов и вот, заканчиваю первый. Посвящу его Ире и Кире. На съёмную квартиру в Москве деньги нашлись на первые пару месяцев. Я откладывал со старых халтурок, получил небольшой аванс, какие-то деньги дал Эдвард в долг. Он, кстати, обещал приехать. Наверное, это единственный человек, которого я не кинул или не разочаровал. Жду его, а до тех пор, буду писать, мне ничего больше не остаётся.

Я выхожу из вокзала и жду такси на остановке. В метро пока лезть не решаюсь. Лопается об асфальт дождь, завывает моей *tragi-comédie* прощальную оду дождь. Хорошо здесь, в Москве. Несмотря на свой провал и то, что мне постучались со дна, я чувствую тут силу. То, зачем я сюда приехал.

Телефон надоел, такси скоро будет, занять голову уже нечем. Я принимаюсь рассматривать прохожих и всё вокруг. Вдруг замечаю афишу, что в правом стекле, на остановке. Кира и Ира исполняют танец парой. Название программы – «1+1».

От увиденного плаката, я пячусь назад в ужасе, словно увидел прошлое в отражении зеркала. Я спотыкаюсь и падаю в лужу. Мой песочный костюм измочен. Грязный и мокрый песок рассыпан с плеч, ног и души.

больше рассказов в моём Telegram канале: https://t.me/demid_rogue_777

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>